

Глава 2. Зять, который вошел в семью, немного стесняется

—

«Спасение одной жизни стоит больше, чем возведение семиуровневой пагоды».

Эта мысль мелькнула в голове Цинь Сяоманя, и он тут же отбросил корзину в сторону, спрыгнул в канаву и, прилагая все силы, вытащил человека на дорогу.

Неизвестно, сколько этот мужчина пролежал в канаве, но он промок до нитки.

Когда Цинь Сяомань тащил его на себе, ледяная вода стекала с незнакомца прямо на него, отчего он сам заскрежетал зубами от холода.

Стоило им выбраться на дорогу, как с глухим звуком мужчина соскользнул с его спины и повалился на землю.

— Эй!

Цинь Сяомань хотел было помочь ему подняться, но мужчина не желал двигаться. Он слабо ловил ртом воздух, словно его тело окончательно онемело от холода, а взгляд был совершенно пустым.

Только когда он снова увидел Цинь Сяоманя, в его глазах вспыхнул огонек. Словно ухватившись за спасительную соломинку, он вцепился в край одежды Цинь Сяоманя:

— Еды... дай мне хоть кусочек еды.

Цинь Сяомань замер, глядя на мужчину, который, задрал голову, умолял его о пропитании.

У того оказалось на редкость правильное лицо: высокая переносица, красивые брови и глаза. Даже несмотря на жалкий вид, грязь и ссадины, это не могло скрыть четких контуров и благородных черт лица.

Цинь Сяомань за всю свою жизнь впервые видел такого красивого мужчину. То ли из-за молодости, то ли из-за любви к внешне приятным вещам, он не удержался и посмотрел на него подольше.

Ради такого красивого лица он был готов дать немного еды, но вот незадача:

— У меня с собой нет ничего съестного.

— Пожалуйста, дай мне хоть что-нибудь... Я уже... уже три дня ничего не ел.

Мужчина едва дышал, слова давались ему с трудом, а рука, сжимавшая одежду Цинь Сяоманя, держалась из последних сил.

Цинь Сяомань видел, что мужчина молод, на вид ему было не больше двадцати лет. Он спросил:

— Кто ты такой и как угодил в эту канаву?

— Я... я беженец из уезда Цюян. Не ел и не пил несколько дней, силы иссякли, и я... я нечаянно упал...

Цинь Сяомань прищурился:

— А твоя семья? Где жена, дети, родители? Я могу отправить тебя к ним.

Мужчина покачал головой, он уже почти не мог говорить, но этот гер перед ним был его единственным шансом на спасение:

— Нет... у меня нет ни жены, ни детей. Родители уже покинули этот мир.

В голове Цинь Сяоманя созрел план, но он его не выказал. С деланным сомнением он произнес:

— Еда есть только у меня дома, а до него еще нужно дойти.

— Можно... можно... — Мужчина отчаянно закивал.

Видя это, Цинь Сяомань сказал прямо:

— Но я не могу просто так привести мужчину к себе. Я еще не замужем. Если согласен стать зятем, который войдет в мою семью, — я заберу тебя.

Мужчина, не раздумывая ни секунды, поспешно ответил:

— Я согласен. Только дай мне поесть, я на всё согласен...

Дождь становился все сильнее, туман сгущался, и серая мгла давила на плечи. Куда ни глянь — сплошная пелена дождя, видимость не больше пары метров.

Время было позднее, на улице стемнело. Цинь Сяомань сидел в главной комнате и тяжело вздыхал.

Он-то думал, почему этот парень так легко согласился — решил, что тот просто обезумел от голода.

Вернувшись, парень уплеп одну за другой три лепешки. Цинь Сяомань, побрезговав его грязным и вонючим видом, велел ему пойти помыться горячей водой.

Мужчина послушно согласился, но когда направился в помывочную, он шел, кривясь на один бок и прихрамывая.

Только тогда Цинь Сяомань понял — он ведь хромой!

Неудивительно, что тот валялся на обочине и говорил, что у него нет сил идти. Цинь Сяомань, окрыленный радостью от того, что подобрал красавца-мужа, сразу же притащил его на себе.

Кто же знал, что этот малый его обманет!

Цинь Сяомань злился. Он колебался: может, когда тот помоется, дать ему немного припасов, сменную теплую одежду да и выставить вон? Сказать, что прежние слова были шуткой — все равно никто не видел и не слышал.

Не то чтобы он был бессовестным или не держал слово, но как вести хозяйство с человеком, у которого ноги-руки не в порядке?

У него были небольшие сбережения, но он ведь не помещик какой, чтобы содержать нахлебника.

Что может делать калека? Тяжелую работу он не потянет. Наверное, только и сможет, что дома одежду стирать да посуду мыть.

Но какой мужчина на такое согласится? Даже те зятья, что входят в чужую семью в их деревне, на такое не подписываются.

Цинь Сяомань в раздражении взъерошил свои волосы. Чем больше он думал, тем больше расстраивался. В этот момент глухой звук удара вырвал его из раздумий.

— Что случилось?

Цинь Сяомань замер, но ответа из комнаты не последовало. Он нахмурился, встал и снова спросил:

— Эй, ты в порядке?

В помывочной никто не отвечал. Цинь Сяомань постучал в дверь - тишина. Дверь не была заперта на засов, и он осторожно толкнул её. Войдя, он увидел человека, лежащего голышом на полу.

— Ох!

Цинь Сяомань бросился к нему. Не обращая внимания на наготу лежащего, он поспешно взвалил его на спину и перетащил в комнату.

Бросив его на кровать, он приложил палец к носу, чтобы проверить дыхание, и в ужасе отпрянул в сторону. Этот человек... неужто преставился?

Цинь Сяоманю не верилось, что ему так не повезло. Но встретить на обочине умершего от голода беженца в неурожайные годы - дело обычное. Этот человек был до крайности истощен, да еще неизвестно, сколько он пробыл в ледяной воде в канаве в середине зимы.

Дрожащей рукой он снова коснулся носа незнакомца, а затем с облегчением выдохнул. Дышит. Видимо, от нервов в первый раз он ошибся - парень просто упал в обморок.

Цинь Сяомань решил, что позже заварит ему лечебных трав. Успокоившись, он внимательно посмотрел на мужчину, мирно лежащего на кровати, и вдруг сглотнул.

Этот парень, видимо, успел первым делом умыться. Грязь и кровь смылись, открыв довольно бледную кожу. Черты лица и так были правильными, а в чистом виде он оказался еще краше.

Очень притягательный. В деревне такого второго не сыщешь.

Цинь Сяомань невольно подумал:

«В такую стужу выгнать калеку - это ведь обречь его на верную гибель. Вон сколько крепких беженцев на улице умирают от голода, что уж говорить о том, у кого ноги не ходят? Раз уж притащил, выгонять его сейчас - это зря потратить силы, ведь я его всю дорогу на себе пер, несколько раз отдыхал. Нужно иметь совесть. Будем считать, что я немного прогадал. Кто я такой? Я работающий! Пусть просто будет лишний человек в доме, чтобы было с кем поесть и поговорить».

И еще раз успокоил себя: «Раз он такой красавец, то когда будем «делать дело», можно и лампу зажечь – не в убытке буду».

Он был человеком легким на подъем, поэтому быстро смирился с тем, что его муж – хромой.

Глядя на мокрого человека, который так и не отмылся до конца, Цинь Сяомань пожалел потраченных дров на горячую воду. Он сходил в помывочную, принес остатки воды в комнату и, пока она не остыла, выжал полотенце и принялся обтирать лежащего.

Раз за разом Цинь Сяомань с силой тер мужчину, счищая слой застарелой грязи. Он действовал так споро, будто мясник ошпаривал свинью кипятком, отчего брови обморочного мужчины едва заметно дрогнули.

Ду Хэну казалось, что кто-то делает ему массаж гуаша – грубо, снова и снова вода по груди. Когда это мучение наконец прекратилось, он с облегчением выдохнул, но его тут же бесцеремонно перевернули на другой бок и продолжили.

Он подумал, что у этого «мастера» слишком тяжелая рука, и хотел было попросить его быть потише, как вдруг вспомнил: он ведь ехал на машине в горный район на совещание по поводу обрушения каналов, попал под оползень и канул вместе с машиной... Откуда здесь взяться массажисту?

Пока он пытался сообразить, что к чему, и обнаружил, что его рот словно налился свинцом и не слушается, «мастер» на мгновение замер. А затем он услышал фразу:

— Все равно будешь моим мужем, чего тут стесняться.

В следующую секунду «скребок» коснулся его бедра. Ду Хэн мгновенно словно прорвал оковы сна: он резко открыл глаза и сел.

Он чуть не столкнулся лбом с Цинь Сяоманем, который, наклонив голову, собирался его обтереть.

Ду Хэн в ужасе обнаружил, что лежит на кровати полуголым, и этот юноша разминает его, как рыбу на разделочной доске. Это был не сон. Рука юноши замерла у его бедра – он был пойман с поличным.

Ду Хэн поспешно схватил всё, до чего смог дотянуться, чтобы прикрыться, и с пылающим лицом хотел было откатиться в сторону, но его нога предательски не слушалась.

Посмотрев на юношу перед собой – одежда была какой-то странной, под старину, но он определенно был мужского пола.

Ду Хэн немного выдохнул, смиряясь с тем, что его голышом обтирал другой парень. Но для человека, который никогда не ходил в общественные бани и не появлялся перед кем-либо в negligé, это было шоком. Жар на его лице никак не спадал.

Немного отдышавшись и придя в себя, он почувствовал, что всё тело ноет, особенно плохо слушалась нога. Глядя на незнакомого юношу и незнакомую обстановку, он осторожно спросил:

— Это ты спас меня?

Цинь Сяомань сначала испугался этого внезапного «восстания из мертвых», а затем был поражен тем, как тот судорожно кутается в одеяло, пытаясь скрыть наготу, да еще и краснеет.

Он хотел было сказать: «Ты взрослый мужик, у тебя нога повреждена, а не «то самое» место, чего так стесняться?». Этот застенчивый вид парня создавал впечатление, будто это он, Мань гер, воспользовался его беззащитностью.

Впрочем, по факту так оно и было.

Однако Цинь Сяомань все равно уверенно рявкнул:

— У тебя что, память отшибло? Если бы я тебя из той канавы не вытащил, ты бы сейчас уже окоченел!

— ?!

Цинь Сяомань закатил глаза:

— Что, наелся-напился и теперь в отказ? Если хочешь уйти - я не держу. На улице холодрыга, упадешь снова в канаву - не факт, что встретишь еще одного такого добряка, как я.

Только после этих слов Ду Хэн почувствовал, как ему холодно. Он обхватил себя руками, растирая покрытую мурашками кожу, все еще не понимая, что происходит.

Юноша, видя его движения, брезгливо бросил:

— Гляньте на него, ведет себя как девица на выданье.

Он принес большой сверток и бросил ему одежду:

— Раз проснулся, одевайся сам. Я пойду готовить еду. Поспи еще немного, проснешься - и поедим.

Цинь Сяомань выскочил из комнаты. Прислонившись к двери с обратной стороны, он перевел дух. Ну и ну, этот парень такой стеснительный, что даже ему стало неловко.

Ду Хэн смотрел на закрытую дверь, за которой скрылся юноша. Он был в оцепенении.

Подняв голову, он увидел деревянную кровать с пологом, в комнате стоял старый платяной шкаф, простенький стол и табуреты. Стены были сложены из камня и земли с заметными щелями. Даже не глядя вверх, Ду Хэн мог догадаться, что крыша покрыта черной черепицей.

Такие старые и бедные глинобитные дома часто встречаются в горных районах. После окончания университета он работал сельским старостой, трудился три года, и как раз когда деревня начала развиваться, его не стало.

Но сейчас он не чувствовал себя «ушедшим». Всё казалось пугающе реальным. Вот только почему тот юноша был одет в старинном стиле, и одежда, которую ему дали, была такой же?

Пока он пребывал в растерянности, голову пронзила резкая боль. Обрывки чужих воспоминаний хлынули в его разум, постепенно складываясь в единую картину.

Его звали Ду Хэн. Он был единственным сыном в купеческой семье уезда Цюян. Раньше дела шли хорошо, но в последние годы семья терпела убытки, а наступивший голодный год

окончательно их разорил. Из молодого господина он превратился в чернорабочего.

Хотя он не рос в роскоши, он все же жил в достатке и никогда не знал тяжелого труда. Став батраком, он не вынес тягот, и хозяин уволил его.

Оказавшись в тупике, Ду Хэн вместе с толпой беженцев пришел в уезд Луся. Он попрошайничал, и благодаря смазливому лицу ему иногда перепадала еда. Но это разозлило местных нищих, которые избили его толпой. Ноги были сильно повреждены, он с трудом ходил, и в конце концов его выгнали из города.

Затем – провал в памяти, и вот он здесь.

Ду Хэн понял, что прежний владелец тела не выдержал. В той канаве он был на краю гибели, но чувство голода было настолько сильным, что он из последних сил цеплялся за жизнь ради куска хлеба. Встретив этого гера, он на последнем издыхании добрался до деревни, поел, и, когда тревоги оставили его, окончательно угас. А он, Ду Хэн, занял его место.

На мгновение Ду Хэн не знал, радоваться ему или горевать.

Больше всего его пугало то, что, судя по памяти, человек, притащивший его сюда, не совсем мужчина. Здесь их называли герами, они, подобно женщинам, могли рожать детей и выходить замуж.

Ду Хэн нахмурился. Что же тот юноша сказал, пока он был в беспамятстве?

«Он подобрал меня... чтобы я стал его мужем».

— ?!

Подождите, кажется, прежний Ду Хэн ради еды уже продал себя и согласился войти в дом зятем.

Ду Хэн поплотнее закутался в одеяло. В комнате не было сквозняка, но ему казалось, что здесь холоднее, чем на пронизывающем ветру.

—

От автора:

Ду Хэн: Брат, ты задолжал человеку, а мне теперь чем расплачиваться?

—

<http://bllate.org/book/14888/1323598>